

бег реки мимо Евы с Адамом, от берой излучины до изгиба залива просторным пространством возвратных течений приносит нас вспять к замку Хаут и его окрестностям.

Сэр Тристрам с виолой д`аморе из-за ближнего моря прибыл назад пассажиром транспорта Северной Арморики на эту сторону изрезанного перешейка в Европу Малую дабы самолично вести пенисолированную войну на полуострове: не то чтобы возмышенные горы у потока Окони раздувались до прожорливых горджиев графства Лоренс, а те все время в тисме дублинировали вдвое: не то чтобы глас огня вздувал миш миш для поперечного виски: пока еще нет, но в споре потом малый промел старого слипкого исаака: пока нет, хоть все путем среди сует ванесс, когда у сестер пусть соси сок во гневе на двойного натанджо. Хрена ежевичного из папашина солода варил бы Чхем или Шен при свете радуги, и пылающий конец ея отражался кольцом на поверхности вод.

Падение

(бабабадалгарагтакамминарроннконнброннтоннерроннтуоннтаннтроварроунаунскаунтухухурденентернак!) прежде прямого как столб сморчка пересказывается поутру в постели, а затем все время бытия в течение истории христианского трубадурства. Великое падение со столь кратким упоминанием руха Финнегана (впрочем, выражаясь по-гэльски, мужчины плотного), что егого круглолавие скоро отсылает вопрошателя к заду, к западу в отношении иго толстословия: и их попереверопотное место расположено на исходе из парка, где уложили оранжи зреть на зелени со времен любви дублинейра первого к своей лиффее.

Какие тут стычки вил и пил, устроготов против рыбоглотов! Бре`кккк Ке`кккк Ке`кккк Ке`кккк! Ко`акс Ко`акс Ко`акс Ко`акс! Уалу Уалу Уалу! Кваоуау! Сторонники Баделлариев все еще проигрывают Малахии Микгрению, а Зеленые вышвыривают людоведов, этих Белых Ребят, что на Худи-хеде. Буря асегаяк и бумеренгов. Держитесь, братья! Санглориане, спасайтесь! Звон влез оружия, потоки слез. Убитубитубит: рокрок. Какие возможности для ничтожеств, какие просторы продуты насквозь! Какие искушения для шлюх со сторон исповедников! Сколь истинно ощущение сеновласых с подобным соломе гласом по поводу ложного пойла! Тут, тут ушел в пыль подогретый предок блудилищ, но (О мои сияющие звезды и гнезда!) сколь величественно осветилось знамением высшее небо! Что же это было? Изолт? Ер уер сюерз? Лежат во прахе древние дубы, но восстают вопросом вязы. Палл, если уфалл, однако доллджон подъяться: и ничто столь скоро, как фарс для сестарс придет к светскому финиксейскому завершению.

Грузмайстер Финнеган, из Кистей Заики, фривольный подкаменщик, бытовал самым широким путем, который едва можно вообразить в его убожественно забываемом прошлом, еще до того, как навиновы судьи сообщили нам эти данные и Гельвиций исполнил второзаконие (он единожды всерьез сунул глаз во дно трубы дабы узреть грядущее своей судьбы, но скоро вынул обратно моисеевой силой, так что самая вода испарилась и гиннес совершил исход, как бы показывая, что за пентатоечный то` был малый!) и в те дикие годы сей муж с кирпичами, известкой и планами вилл в Пьяной Деревне воздвигал дом над домом по бережку для жителей Таксказати. Он тух слегка ради фифи Анни, лейкокрылой творанни. Отдельности своей ищи в ней засучить, коль у тебя в кудельках кольца. Часто, наклонившись через пузырь к переду, с красивым мастерком в руке, с закатанными рукавами комбинезона, который имел обычай носить, словно Урун Пильдерик Негберт, вытеснял он через множители широту и сироту, пока не достигал в полужидком чертеже месторождения двоен, так что его пуританские произрастания прошедших дней вздымались в несколько иных профессиональных признаках, веселые и стоячие, как травка на небоскриптах, исходящая почти из ничего, но восходящая до востока небес, и все это иерархиктиктактуктурно, горящим кустом с погремушкой на макушке, с наемными подъемными и вольно приспущенными на спуске.

Из первых он имел доспех, и звали его Вассайли Буслаев фон Ризенгеборг. Его герб в зеленом поле, с клейнодами, серый, серебряный, за двух дев козловый, борзовый,

ужасный, рогоносый. Трепалкум перекладной, с лучниками, натягивающими тетиву, и солнце, это во-вторых. Надпись: Хлебороб, Хлебай Хамогон. Хре-хо-хо, г-н Хвинн, опять быть тебе Финнопятым, Финновейном быть придется! Придешь наутро — ты там вино, а в воскресенье к вечеру — вино горелое, горелка, ты уже уксус! Хрю-ха-ха, пан Фанн, петь тебе поопятнанным!

Что же донесло до нас, словно гром в полдень, столь трагедийное извещение? Наш дом родной по-прежнему сотрясается под грохот горы арафат, но сквозь минувший ряд веков мы слышим также пьяное распевание непросыхающей музыкальности, которая призвана бранно изоблегчить все выворачивающиеся из сфер небес высокие феномены. Поддержи нас в исканиях истины, о Держатель, когда мы поднимаемся, и когда беремся за зубочистку, и прежде чем грохнемся опять на дорогостоящее ложе, и ночью при закате звезд. Ибо лучше мигать курам, чем кивать шурам. Только чтобы не получилось как у того настоятеля, который их вечно путал, плутая бедуином меж кучкой джебель и джписи си. Пусть судят о том те, у кого есть что. Об урожае мельник. Тогда мы и узнаем насчет веселья в пьяницу. У нее просто дар высматривать на стороне, и она всегда тому будет содействовать, кто ей споспешествует, о двугорбая голубая мечта! Смотри! Смотри! Это мог быть недообожженный кирпич — говорят иные — или — как судят другие — это произошло из-за нарушений в минувшей части. (В наше время известны тысяча и одна версия, и все они о том же). Но описать ли ту горечь, с которой аписьяна элла аллыэ аплоки сплюща (а как насчет чудес уоллхолла — вращеправ, простидвижек, скаломахов, чмокогонов, трамодрев, вопледалей, кинавт, гиппобродов, флотоулов, турнеятий, мегасмога, с кругами и крепостными рвами, с базиликирхами и аэропагодами, с судами и посудинами, с констеблем в мундире, отмеченным укусом за ухом мекленбургим сукам и ямкам для линьки соколов, с пенькою от пеньков, чем пеньше, тем встаньше, и троетрюками по двенадцати пинков за дюжину штук, с бусами, скользящими по проспекту Безопаспортных, с дерижаблями, висящими над углом Без Портных, и дымы и надежды, и мягкий холмик его владений прирожденных природою домовладельцев, дымоглазельцев, в-даму-продевальцев, шурум-бурум, бор-бормотание с крыш, обормоты из крыс, крыши для, как для крыс тря, но лишь под мышь сгодилась бы), а кто пьет со сна, тот и спит спьяна. Акушерка на сносях, вот-вот снесет, вот его и трясет. (Была там и воздвигаемая, конечно, стена). Димб! Он пал с этой последней. Демб! И был мертв. Дамб! Мастабадам, мастабатом, когда луна играет в лютню — и все исчезло. Чтобы мир знал о том.

Шайзе? Ай шут ши! Макуль, Макуль, зачем скончался ты? Ах тем в четверг печальным утром? На мрачных поминках Филюяновых все народные хуливане стонали, простершись в оцепенении и презбыточно отчаянном улюлюлении. Собрались там печники и дворники, глухари, бухари, будочники, конюшие и киношники тоже. И все они остишно ароли. Агог, магог, а кругом сплошной аргог. Для празднования продолжения до Ханандиганова изничтожения. Иные даже подскакивали и под канкан его оплакивали. Кто вверх вздувал, кто внутрь его отжимал. Тверденький он, плотный. Приам прием придам. Это он был тот веселый вселенский юноша, молодой человек. Взвейте его изголовье в пивную с пивом. И где и када вы такое апяты услышите? Со своими срединными ссредствами и пыльными препозициями. И положили его преть на кровать. Со стаканаливами финской фодки у ступней. И пенным пеньем за ступенью. Покуда жидкость не стекла из узости стекла под вязкостью. О!

Ура, разве лишь глыбы раннего дарования виднеются сквозь те зрелые пейзажи глобуса, которые суть, рассуждая тавтологически, одно и то же, гладкое место. Вот когда Он, существо громоздкое, спотыкается, словно переросший младенец, давайте смотреть, как Ом на тарелку лег. Ум! От еженедельника до бездельника и от мошенника до ошейника все-то он мирно расстилается. И в течение пути изгиба от фьорда до фьельда дуновения попутного ветра ведут по нему, обообоируя через рифы (хоахоахоах!), плауплывания в долгую лифейную ночь, блудобледную ночь, колокольную ночь, чтоб ее хитрые флейтующие трохеи (О карина! О карина!) заставили его проснуться. Она со своим фартовым фартуком, со сдобным съедобным, а вокруг все строения да настроения.

Возделывая дело его падения в отделе с водоразделом. Сначала молимся, потом моемся. Но что же мы сами из себя представляем, поверьте, это так. Аминь. Со сай ас. Грампаша пал, но зелень прорастает в пали. Что там, на скрещении путей? Фуфырь финфофамов. Где ж его бедная головушка? Там, где нет кеннедиева хлебушка. А что у него на хвосте, на самом кончике? Дублинского эля добрый стаканчик. Но если начнешь проверять его на подлинность и погружать зуб сквозь лебязьебелое тело, смотри на него, как на бегемота, ибо он — ничто. Финиш. Всего лишь фотокопия теней вчерашней сцены. Примерно как рубиконский Салмосалар (Форелосось), древний, агапемонидова века, он втопан в нашу туманную пыль, обкатан и запечатан. Итак, продовольствие это для внешних мертво — в общем, поштучно и навалом.

И все же, разве не видим мы очертаний формы того бронтоихта, сонно оживляемых даже в нашу ночь осокой извилистого потока, который Бронто любил и в который он, Брутто, упирался. Хик кубат едилис. Апуд либертинам парвулам. Здесь он лежит. Сущая мелочь. (Лат.) Что если б она махала или порхала, в носках или обносках, иль клянчила б по полушке да на подушке. Арра, конечно все мы любим малютку Анни Райни, то есть, хотел сказать, любим крошку Энни Рэйни, когда под зонтиком в клочках да в пустячках порнхает она порхабненькою бабочкой. Йох! Бронтодед спит, йох он сопит. Над Бен Хитр, а также в Сипл Изоут. Вот его череп головы, в коем он варил помыслы, вглядывался в туманное иное. Чье оно? Его глиняные конечности, поросшие зеленотравой, охладело торчат на месте его падедения, у Стеклоанной Стены, где стоят и кланяются наши сыны, на стыке лета, зимы, осени и весны. А позади, напротив, за Илл Сиксти — зады форта, бом, табором, с топором жди засады, ищи рассады. И пока одаль плотно оборачиваются облака, можно насладиться горделивым видом сбоку нашего вздыбленного жилого холмища, а ныне Валунстенского национального музея с находящейся на некоторой зеленоватой дистанции очаровательной водырьлейской областью и двумя беловатыми вилайетами, которые внемлют обзору о самих себе с этаким подхихикиваньем по поводу глупопадной листвы, прелезть! Нарушители свободно допускаются на территорию музея. Вали- и пади-подкинцы за один шилиног! Обратнo же обесчлененные инвалиды старой гвардии найдут тут возочки в меру необходимости хода. За ключом от входной двери обращайтесь к сторожилихе тете Кате. Подкиньте. Типа.

Вот путь в музейные помещения. Входя, побеспокойтесь о шляпах. И так мы находимся в помещениях Музея Герцога Волейданского. Вот прусацкая пушка. Вот франсуцкая. Подкиньте. Типа. Вот флаг прусацкий. Вот каска с кокадрой. Вот этой пулей был сбит флаг прусацкий. Вот орудие, из которого било против того обла, что сбил флаг прусацкий. Ну и пушица! Попробуйте с вашими вилами и рогатинами! Подкиньте. Типа. (Воловий ступ! Отлично!). Вот треугольная шляпа, принадлежавшая Линолеуму. Ну, поддайте же. Типа. Треуголеум. Вот Волейдан на своей той самой белой жлопшади, на Пейдухе. Вот великий мудрый Волейдан, красивый и притягательный, обутий во златооловянные шпоры, и его передняя часть вся в железе, и его полубронзовые ходовые ботфорты, и его колесничные бутсы, и его лучшие бангкокские боты, и его пулопонезианские боевые невыразимые. Вот его большая бледная жлопшадь. Давайте. Типа. Вот трое линолеоновских ребят в оживленной перепалке. Вот убийственный инглиз, вот скоттствующий драгун, вот смиренный деви. Вот бог линолеум, который убивает бега линолеума. Галлагурская посылка. Вот маленький мальчик липолеум, с ним не вышло бы ни бегло, ни благо. Асса, асса! Туш Фиц-Тамыш. Грязный Мак-Разз. Волосатый ОэВолосан. Все они колупай-шалопай. Вот делосские Альпы. Вот гора Тивель, вот гора Типси, вот великая гора Инджун. Вот крымская цепь этих альп, которая окружает прибежище трех липолеонов. Вот джиннихи со своими легагорнами, притворствуя, читают в страгически самодеятельной книжонке о неверной войне с Волейданом. Эти дженнихи как редька в ручке, эти джоннихи как хрен между пальцев, а сладкий Волейдан благословляет всю их лейку. Вот большая достопамятная Волейданова телеступа, похабно размолоченная по джинниховым бокам. Половой размер, с преувеличениями. Секскалибур. Подкиньте. Типа. Вот я, Бельчем, крадущий свое мрачное обличение из Ужасной Омерзительной Закатно-веснущатой Кромвелианы. Разграблена. Вот впопыхах нарисованная джинниховская

программа подведения вод от Водыльо к Волейдану. Программа обозначена тонкими красными линиями против схематичного изображения меня, Бельчема. Йо, йо, йо! Прыгаем! Спасайтесь! Смотри в оба за мелким малюткой! С захватом. Нап. Такой был тиктак у джинниховий для обливания Волейдана. Ши, ши, ши! Джиннихи противоподжениваются из-подо всех липолеонов. А липолеоны нападают на единого Волейдана. Волейдан же благословляет их вытерловую лейку. Вот вестник-Бельчем в шляпе с кивером обменивающийся тайным словом со смущенным Волейданом. Вот задняя сторона Волейданова вестника. Она направлена туда, откуда я, Бельчем, уже исчез. Саламантра! Аи, аи, аи! Сладкие джиннихи. Офигостолим вас! Клянусь вашим. Волейдан. Такова была первая Волейданова хитрость: тик на так. Хи, хи, хи! Вот я, Бельчем, в семиверстных каущуковых, чирикая и щебеца, шагаю вокруг джиннихового стана. Пить так пей, петь так пей, поть так пой. Он скорее выпьет джиннеха, чем даст выдохнуться портеру. Вот русацкие ятра. Вот трансшея. Вот кустистые ограждения. Вот военнослужащий с носом после стадневной поплашки. Вот счастлифчик. Др-рака! Вот джиннихи во дворе на задворках вдвоем. Вот липолеумы в дамских домиках. Вот Волейдан рядом с осколками Корка открывает огонь. Тоннере! (Бычье ухо! Играй!) Вот верблюжья конница, вот метание пехотой, вот разные красочные краски, вот как они красят, вот забава! Альмейдагад! Артюз Тулуз! Вот вопль Волейданов. Липа! Липа! Прилипла! Вот визг джинниховий. Под ветер! Козлам раздеть финнских ягнят! Вот джиннихи убегают по тропкам лишений, шелушась в убежищах. По рюмке, по рюмочке, по рюмашище да шагом, шажком, шажищем так этак воздушно. Ибо сердца их там. Подкиньте же. Типа. Вот — спасидо и спасипо — моя, Бельчема, серебристая плитка тушить кости в прохладе противогаза. Бедные платят. Вот след бисмарка, который джиннихи простудившись оставили пробегая в марафонском забеге. Вот Волейдан машет своей той самой помятой телестопкой Софи-Ки-По для царственных разводов в направлении смывающихся джиннихов. Гамбаристе делла порка! Далаверас фимьерас! Вот желчайший из липолеумов, Лакомпер, наблюдает за Волейданом на той самой большой белой жлопшади, на Бейтухе. Стеновалунный Волейдан — старинное изображение. А липолеумы это миленькие подвешенные женишки. Вот гиена-гиеннеси громко хохочет над Волейданом. Вот двусмысленные носилки-дули, на которых уносится дым от хиннеси. Вот хиндуля Шимар Шин между дулей и хиннеси. Подкидайте. Типа. Вот сварливый старый Волейдан стоит на страже у липолеонової половины треуголеума с навороченной гадостью. Вот хиндуля натирает ранджимад к запуску. Вот Волейдан вешает полшляпы липолеума на свисающий с зада хвост своей большой белой жлопшади. Подкиньте. Типа. То была последняя Волейданова хитрость. Попал, попал, попал! Вот та самая белая Волейданова жлопшадь, Дуйгрех, которая машет своим телехво`стом с липолеонской полушляпой, чтобы задеть хиндуйского сипай-мальчика. Хней, хней, хней! (Турий лох! Хлам!) Вот сипай-мальчик, мадрашаттарас, он скачет и кричит Волейдану: Ап Пуккару! Пукка Юфроза! Вот Волейдан, прирожденный притворный, предлагает свой спирочный кочевок царескво`рцу Шимар Шину. Сам ты жерло хорошее! Вот служивый сипай-мальчик сбивает целиком липолеонової полшляпы с кончика хвоста от спины его большой бледной жлопшади. Подкиньте. Типа. (Глаз бугайский! Кончено!) Так кончился Копенгаген. Вот музейное помещение. Выходя, побеспокойтесь об обуви.

Тьпхью-у!

Ах, какое тепло стояло внутри, и сколь жесткохладно на вольном воздухе. Мы знагде она прожива, но нико не гово о лампе-хлопушке! Там милый малый дом с окнами числом месяц с деньком ветров. Вниз на спуске по строчке в верхней точке. Нумерованная ванна. А какая погодка! Ветер играет меж вершин холмов, коих если насчитать полсотни, то найдется еще пара. Так вот на них прыгает шишковатая птичка. Все чего-то она берет-таскает, собирает чутьспеша, чутьтуша, чутьерша, чутьшебурша, чутьпоевши, чутьпоспевши, чутьпопавши, чутьпомолодевши, чутьслыша, чутьглуше, чутьтуши, чутьчуши — такая шишка-птишка. На широкой равнине, в узкой долине. Там, под семью вротшильдами лежит самый из них болван. А рядом рукавица. И герб. Парочка голубков упорхнула на скалы севера. Триада вранов, оглашая карканьем углы небес, переместилась

к югу, откуда трибы ответственуют воя: нам как бы вдвое. Она не выходит, если Тон принимает душ, или Тон возится со своими сиренами девичьего пола, или же Тон выдувает бурные тоны. Никогда. Ни разу в жизни. Это ее так пугает. Все будет зря. Фи фо фом! Она просто надеется. Ведь жизнь это жизнь. Но вот, сейчас это произойдет, она появляется, мирная фогель-птаха, пародийная птычка, пери в перьях, клювопрыгалка косая носится по кочкам, пью-по-па да пау-вау, в брюшке под хвостом, бегги-багги, бикки-бекки флик фласк флекфлингинг поганкин пух, клюй тут клей там, кс-кс-кс, вороватая кис. Сейчас пирамирье, милитопукос, а завтра мы желаем, чтобы эти липкие поцелуевы по мелочам творили новый договор для счастливых детишек. Приди, о небо, меня сусо, и воспой этот праздничный день. Она позаимствовала у кучера передний фонарь ради разузнавания (как оно идет безбедно и на дно и как оно кругом видно) и все вещички следуют к ней под клюв в сачок: дребезжащие пуговицы, застежки, пряжки и отмычки, карты, ключи и складни, душевно целованные и волшебю обнимованные, бостонские ночные подвязки и носки из-под завязки, кружочки из никеля для старого михеля, вон тут еще луживая пеерсона в кхотиках и у бвотиках, как карлик и на пар ли как, многоилльная, малобелльная, с бренди с денди колокольная около укольная, игольная, а также последний вздох из груди испущенный (напомаженный на этот случай) и откровенный грех под солнцем (смех!). С Кисс. Кисс Крысс. Крысс Косс. Кисс Кросс. Не то. Перечеркнуто.

* * *

ЖМУТ: Тпрут!

МНУТ: Съеден жрут.

ЖМУТ: А сам-то ты? Съедобен? Подобен?

МНУТ: Так, кой-как.

ЖМУТ: Но ты ж не нем?

МНУТ: Нет, как не ем.

ЖМУТ: Так что с тобой такой?

МНУТ: И глох я, и плох я.

ЖМУТ: Что за удидидидивительная шту послужила тому причи?

МНУТ: Пудыль, сер.

ЖМУТ: Чей мутыль? Откыль?

МНУТ: Из отыль "Прямой Костыль", где ей и быть.

ЖМУТ: Да я ж тебя едва не слышу. Ты вставь меня к себе на место.

МНУТ: Просто не съест-то. То тут как тут, то тут, то там. Невесть что.

ЖМУТ: Единственный айгонбрык. Парাপотомки суть пара потом и только. Дозволь же при всем шатании утешить тебя колыханием с выпивкой на дубовую серобровую деньгу.

Скажем, пиво ведь вещь неплоха.

МНУТ: Ха ха! Не ведаю насколько древесное оно, то пойло серое из сорго Седрика

Шелкобрадатого Педрика. На вкус оно как бы седое с риса или с проса, что дают на дублиновой перекладине. Словом, блин без тмина. Прел на этом самом естественном тесте. Где стоит Мономонарх. Коль манекен удал, то ль джентльмену только удалица.

ЖМУТ: Просто, как предсказывал еще Ташит, излажавший историю пошлого, ему удалось набрать полные кулаки, дабы сеять.

МНУТ: Ровно по ливеральной траектории пуль млеять.

ЖМУТ: Далдон Всебалдуций! Где же они сойдуций?

МНУТ: Как вол на дерне. Рукс рорум, рекс рум! Я б храпел ему из пенного рога, каб налили мне туда хоть немнога.

ЖМУТ: Полей мя кипящим медом, если распираю хоть сливу во всех хрычах твоих от сурепки до финика. Словно в роттердам. Одну или нескольких. Это без маслица. Всего добраго. Еще удавимся.

МНУТ: Со плесень. Но обомни биноточку. Мить ежери ты погрядишь упокойным вздором по груди, то не марое ужрешь, а имедно стир моих фредких лух — вумфри и выньфри, штоп добриться по ослову на восторг его и на жабад, где бредкие маши вознугали страхоения мех горда по убажемию ремень брых, от мочальной дочки до их огончатемного фунта. Пусть же он румурмур. Лишь сопери двух трас: сладкое и мокрое.

К сиперу. Но спорее к восторгу оми в сограсии: и вод хradно и ебадно, оми дрибиряюца. Без числа жизейскиг издомий паро на сдраницу зию, флекейски словно флофлейзги, понои из паранои, бутта волхв волохад. А зичаз взе оми погреблемы в род, изог с изгом, ерд от ерды. Гордыня, о гордыня, где твоя хартыня!

ЖМУТ: Бсденчь!

МНУТ: Фиа-фьюи! Индое песопрасие. Влик с барым в зизменях ежемошных туже осторононенимия, вавилона великолонагленодворсостоялогго с титтит тительдомиком, вроде алп на алпушке, ухвертушке, равной неравному обычно пьянству в сфукофой симмиллимедрии, где згырда люпая люпофь.

ЖМУТ: Змердь!

МНУТ: Мельдундлиза! Зверепой волною похофтон. Беспрудовая беснь. И смердоносая паздь всех их вздянура. Этот токлет бриборожен гибриджной былью и груженный гнильем как воз вращается. Слагающий руны может читать хоть на читуереньках. О замок, у самок, и сдамок чтоб сдать! Продадай же от мян суб из яркой марки для Хумблина! Для Хумбледской ярмарки. Но реки о томб белижабо, о сосердатель! И девствуй по воле!

ЖМУТ: Поболе?

МНУТ: Жиган Форфикулес с волшемнитсею Э-мни словно.

ЖМУТ: Словнако?

МНУТ: Там богребен был вицекинг однако.

ЖМУТ: Хваад!

МНУТ: Ды изумрен, о Жмуд?

ЖМУТ: Я гаг бы на оздрие где мнут.

* * *

Да, там и в ниллохах диебос и ни от какой скверной бумаги нет остатков и огромная гора пера пыхтит чтоб мышам было без недостатков. Все это в тревности. Ты дал мне пинка (за подписью) а я глодаю ветры с росписью. Я жвал тебя за жвачкой а ты жапрякся в тачку. Но мир — это я говорю — был, есть и будет вовек излагать свои собственные вруны по всем — так сказать — прямоблемам, попавшим под санкцию наших инфракрасных чувств при последнем вельблуде млечном, чей сердца пламенный сосуд бьется меж карих глаз на якоре перед могилой братца-председателя, там где его финик исследует пальму, которая принадлежит ей. Но день рога, день кости, день бивня пока не настал. Кость, голыш, балдыш; суши их, кроши их и всегда разделявай; пусть они терракокнутся в муттеррингпоте: и Гутенморг со своей кромагнионственной хартией, скорокрася и первопечатая, должен от мыли и до фиг встать на красной строчке всемирной бочки, а то в ал-когоране смысла уже не будет. Ибо на это (нас предостерегают) тратят бумагу: пропски, ошипки и обе чатки. До тех пор пока вы в конце концов (хотя и не в окончательном духе) сведете знакомство с Господином Типом, Госпожей Топой и всеми их маленькими типтопами. Топоточка. Так что вряд ли следует вам мне указывать, каким образом соединять слова, чтобы они получили по три главных и с десяток топтипических чтений по всей книге "О Джине Дублендском" (да покроется тинной выступ отступника!) покуда Далет, махомахума, открытая, сама же и захлопнется Д. Верь.

Но ты пока не плачь. Можешь даже улыбнуться, о мой повелитель, ввиду тех огороженных древами дев, а в саду так темно при свете свеч. Но взгляни, что это у тебя там прикрыто? Лица словно на кинотейпе шагают прочь биениями пульса чеканя истории ториев из подвигов вигов для всех деловитых айриланий. Во первых это было во вторых за их совокупаньем по порядку и в третьих на клубникиных грядках. И цыпы ссыпались с птицыпочек, только бы не наслоиться на ослицу. Справься у своего осла, достойно ли ему было достоять при этом справа. О ослуша, послушай, если уж вскачь, так только на карачках. Словно жена с огрехами напоказ. Ибо наступает век возвышенных юбок. Как-то ноековч и ковчина, благородная женщина. Ведь гроб полн пометов во добрую славу полетов; и золотая молодежь, юнцы, мечтают еще раз охолостить у ней концы; и до чего только не доведут неудачника на даче. Скоромаша он раскосомашивал облужги ее игривых ласк и приятного пиррихияка. Оброслая, придорослая, да она же просто фидарослая, эта

змеющаяся озоба! От трех пиеров в зоасаду в засаде. Вейся, вуаль, в веках влюбленных! Она, она всех превзохла! Тук в нос, тэк в хвос. Хохобря! Конечно то была она, а не мы! Но спокойней, господа, спокойней, мы следуем задами за норвигом. Так что вынь-фень-кин-пинь. Явись и поглядись. Хет уис ив ее тритон. Уши! Уши! Иду. Уон он! Убогие лепечут.

Это было во мгле давным-давно минувших времен, в древнекаменном веке, когда Адам еще нырял с мотыгой к своей мадамье, а та вертела веретено в илистых струях, и всюду пахло пахотой, когда первозданный неподдельный распойный разбойник пил и лип так, что глаза его истекали от страсти, а не от старости, когда все подряд с первого взгляда один другого любили, и Ярл ван Хутор гордо держал в светильне горелую голову хладные руки на себя налагая. И два его маленьких еюшки Тристопер и Иларий нянучили куклу на засаленном полу того глиняного дома, жилища и замка. И кто же — не будь я дермот — приходил туда смотреть за помещением? — одна его золовка-ослушница. И послушница набралась розовым и разумно в дверь зашла. И зажгла и зажглось все в том огненном месте. И говорила она к дверям на своем местном перузийском: Дай глотну разок (Марк д `Иван)! Зачем это мне несчастье луковое смотреться как горсть гороха спод пива? И так начались у них стычки. А дверь двернула милости ее на голландско-носонассауском: Шут! (и задворилась). И тогда милость ее наклонности умыкнула еюшку Тристопера и в песчаную пустошь она текла, текла, текла. И Ярл ван Хутор следами за нею шагал мягко увещепеневая: Стоп ротная стоп вернись в мой ирин стоп. Но она ему сварливо: Никакнемож. И в ту самую сабаотную ночь где-то в Эрио сыпались ангелы и слышались бранные вопли. И послушница ушла на сорок лет в Турлемонд и неким особым мылом смыла подтеки любви благоговенной со своего еюшки и было у нее четверо заграничных пидагога учить его щекотке ума и взрастила она его ко всегдашню состоянию и вышел он лудиран. И тогда опять она текла и текла назад, пока не вернулась к Ярл ван Хутору в те же объятья с еюшкой в кружевном переднике когда-то там ночью. И пришла не куда-нибудь, а прямо к перекладине его подгрудной в пивную. И Ярл фон Хутор сидел в том погребе, топя в ячменном солоде голобитые пятки, и теплыми рукопосжатиями сам с собою обменивался, а еюшка Иларий и болванья их раннего возраста валялись на салфетке корчась и кашляя словно брот и сиздра. И послушница глотнула белого и опять зажгла и красные питухи взмыли порхая на гребнях холмов. И она выдала на грош груш для грешных душ, говоря: Дай хлебнуть раз-другой (Марк ти Твей)! Что это я тут как две горсти гороха спод пива? И: Шут! говорят ей грешные, той каролдевне (и заперлились). И каролдевна-ослушница усадила еюшку, взяла еюшку на руки и по всей лилейной дороге в Страну Страниц она текла текла текла. И Ярл фон Хутор летел следом и выл как штормовой вихрь: Стоп слышь стоп вернись вырин стоп! Но послушница ему сварливо: Мнейтак понра. И дикие раздирающие стоны слышались в ту душную ночь где-то в Эрио и падали многие звезды. И послушница скрылась на сорок лет в Турнлемиме и вталкивала кромвеличавые хулы ногтем с длинным пальцем в еюшку и было у ней четыре иносранных перподавателей чтоб он слезами изошел и довела она его до самонеопределенной небесшкуртрясти и стал он тристьян. Тогда вновь принялась она и текла, текла, покуда с парой перемен бу ты про не явилась к Ярл фон Хутору и с нею Ларрихилл под ее аброметтой. И стоило ли ей вообще останавливаться ежели не близ крыльца торца его дворца для третьего заклатья. И урагановы ноги Ярла фон Хутора достигали ящика с продовольствием, меж тем как сам он все двигал жвачку через четыре свои желудка (Смелей! И смелее!), а еюшница Топертрис и то идолище поганое предавались любви на половой тряпке: пилились и трахались и снизу и спереди — как последний наемный с простодушной невестой во втором детстве. И послушница хлебнула прозрачного и засветила и замерцали долины. И она свидетельствовала перед аркой триумфов так вопрошая: Дай выпить по-третьему (Марк ты Трись) что это я словно три пригоршни горошин спод пива? Но на этом их трения и кончились. Ибо словно стога колоколов окаймленные вилами вспышек древняя гроза всех дам Ярл фон Хутор Боанергес громолниеносно и самоперсоновластно явился сквозь трое заборных врат под аркадами приотворенных замков в своем ширококорыжем головном цилиндре и цивилином вороту вокруг шеи — хип, хоп, хандихап — и края подрублены и носоперчевая дутохвальная и мужерваные штаны и газыри резного эбонита и отороченные мехом панункулярные пимы

— словно крясный желтой дсиньзолёный оранжист в фиолетовом индигобалдении во всю мощь и ширь до крыш его бедр бердыш. И он вознес бравую руку до плотного упора и выступил повелевая и рчь држл к ней чтб затворница закрылась кляча от его клича. И та на три ключа зпрлсь. (Перкодхаскурунбарггруауагокгорлайоргромгремитгхундхер труматхунарадидиллифайтитиллибумуллунуккунун!) И все пили вволю. Ведь в подобных доспехах муж для девиц под рубахами был конечно жирная наживка. И то был первый образец иллитеративной портерезии в нашем влажном и плоском мире с лоском. Зри же и слышь о том, как крыс-охранник приоткрыл сладостную щель в Нарвелианский крмль. Ослушница одолела свою липу, еюшки качались по мирным волнам, а ван Хутор прервал ветер. Так благоуслышание бюргера разнесло фелицитатис на весь полис.

* * *

Итак (чтоб не бегать за Древесным Ирисом и Лилей О`Ранган) начиная рассуждение о генезисе профессионального прозвища Харолда или Хамфри Чимпдена (мы возвращаемся к вопросу о первопрозваниях прототоптального периода естественно именно в те времена когда энос меловал тряпки) прежде всего раз навсегда отметем теории ранних источников, которые связывают его с такими базисными фигурами, как Глузы, Гравзы, Нортисты и Анкера с Эрикерами (Уховертами) из Сидлзхема, что во Многолюдстве, или объявляют его отпрыском викинггов, основавшим округ, и помещают в Эйрике или в Ирике, согласно наиболее аутентичной версии Дамлета, читай Чтения Хофед-бен-Эдара, который излагает это именно таким вот образом. Но нам еще однако передают, как репничавший подобно Цинциннату перестарелый садовоз запасался от яркого света под деревом с покрасневшей от напряжения древесины потным полднем в субботу под праздник Хаг Чавыча, предвкушая райский отдых от возделыванья корней в саду позади притона, т. е. за зданием старинного морского вертепа, когда шкуроход объявил вслух об изъявлении королевского удовлетворения в намерении задержаться на большой дороге вдоль которой двигался вольный лиз, а за ним — тоже прогулочным шагом — следовала гулящая свора встаниелей. Обо всем забыв, кроме простой вассальной верности этнарху, Хамфри или Харолд не стал седлаться ни же впрягаться, но выполз как был непосредственно (его пропотевший платок в горошек свисал из карманной накидки) спеша на передний двор своего учреждения во шлеме с подпругой, в шарфе от солнца и плече, плюс две пары — краги и бульдоги, окрашенные в киноварь пылавшей почвой, звеня вращающимися ключами и неся сверху меж воздетых наконечников охотничьей свиты высокий насест, на вершине которого был тщательно укреплен поднятый с земли цветочный горшок. Тут его величество, а он с самой нежной юности был или просто прикидывался весьма проникательным, имея в виду расследовать какая собственно причина привела того к тому, что он выглядел словно дыра в горшке, попросил, замещая одни слова другими, пояснить, не служат ли теперь как он выразился "патерностер и врачи в серебре" (мормышка с блестящими блеснами) более изощренной приманкой для ловли раков, но простой и честный Харомфрилд отвечал тоном, не допускающим сомнений и близким к бесстрашной наглости: Не, аш личст, я-т к-раз хотел чтп попались ирики (имея в виду уховерток). Наш царственный мореплаватель, булькая и даровито урча опустошавший сосуд на вид с дистиллированной аквой, прервал глоток, сердечно ухмыльнулся из-под моржовых усищ и снисходительно, с тем не чрезмерно гениальным родом юмора, который Уильям Нос уносследовал по линии веретена от двоюродной бабушки Софи вместе с известной короткопалостью, обратился к служителям свиты: Михаелю, владельтельному лорду Лейкса и Оффали и юбилейному мэру Дрогхеды Эльхеру (согласно позднейшей версии, приводимой ученым схолярхом Погревозом Погремушевым, эти двое распутников были на самом деле Майкл М. Маннинг, протосиндик Уотерфордский и итальянское сиятельство Джубилеи, в обоих случаях они составляли трехмерную религиозную общность, символизируя чистоту учения, обыденные деяния и три-ха-ха в хамлохонной местности, где растут прелестницы падая с лестницы, примечательно досихпоротые): Наш рыжий родственник из Лейкапии — ведь он вовсе услышание облагованивал подонки могилы святого Уверта, но разве знал он, что у нас для сферхнадежности сфер компетенции есть такой комплот из-под ворот что

прахоухие вертопрахи попадают в нем не реже чем ухверты! (т. е. эрикеры). С тем-то он и таскался каждое утро ко двору Джом-Пилы. (До сих пор мы слышим джепиджеп живорозовый, деревянный смешок из придорожного куста, который взрастила госпожа Холмпатрик, и по-прежнему ощущается обомшелое молчанье на токующем ткане: Ив мие у Бурна). Возникает вопрос, таковы ли факты его язычески благородного именованья, какими они записаны и освящены в обоих или в каждом из смежных андропавломорфных описаний. Их ли фатумы мы читаем у Сивиллы между "фас" и "нефас"? Нет ли на дороге навоза? И должна ли Нохомия стать нашим тем самым местом? Да и Мулаки ли наш чингрыз хан? Наверное о том мы узнаем нескоро. Пинай же понги, что заложены у тех, кто свободу ищет среди (кум) скиптров и сцентавров. И если ты зпозобен в своем бизонстве, о сын Хохмы, то имей в виду: этот человек — гора, и на склоны ее воздымаются. Так откинем в обе стороны и заблуждение — столь же пунийское, сколь финикийское — что то` был вовсе не король своей особой особой, но его нераззвучные сестры, ночные рассказчицы Шаххериззада и Дуньявзаде, которые позднее, когда распойники оботрали социалианцев, явились в мир в артистическом образе и выведены были на сцену мадам Зудлоу как Роза и Лилия Мискиндет в паптамаме, где эти две пипы прыгали в плавных прулях, Милиодор и Голофея. Здесь отметим важное явление: после данной исторической даты все документы, извлеченные из бездн забвения и подписанные Харомфри, носят инициалы Х.Ч. И., и так как он долго, вечно и только был добрым малым Чучем Хумфри для всех отощавших от голода бездельников в Лукализодде и Чимберсе, с точки зрения его родни произошел конечно особенно благоприятный поворот в общественном мнении, когда тем буквам было придано значение клички: Хочет Чего Ищет. В этом качестве он всегда самому себе равен и величаво пригоден для всевозможной универсализации, в каждый миг он сюда обыденно подходит, невзирая на враждебное горлопанство, скажем если считать от "Бери орехов чайник!" и "Сними белый войлок!", а затем следуют ослабленные варианты: "Встать с грогом!" и "Назад к берлогам!" и "Блага (бас): из сапога", от славного начала до доброго конца, истинно католическое сочетание, сочетающееся в королевском зале с гляцевым пойлом превыше нижних огней всех рамп на уровне сыромятных быкоходных для единодушного заплудисмента (его жизни дарованья и обрывки их карьер) в честь Г-на Валленштейна Вашингтона Семперкеллиева иммерьюного блужданья в лучшем представлении по особому запросу с любезного дозволения ради благочестивых нужд домодромный живой царских страстей спектакль сыграть стекающий со строк и сроков сотворенья со столетием вместе "Королевский развод", а затем в связи с вознесеньем к высшим вершинам вдохновенья при претенциозных извлечениях из развлечений "Девуцы Бо" и "Лили" — вся сорсерия ночных игральниц по громкому указанию из вицесуфрелевской будки (в которой будочник — лицо далеко не столь выдающееся, сколь знаменитые своими выкрутасами Маккаби и Гуллен), где надежный Наполеон Н-ный в нашем разыгрываемом на мировой сцене фарсе и удалившийся от дел кекельтскокомедиант в собственном роде, праотец народа того же рода и весь род его близ и вокруг с неизменным широкопростертым платком, охлаждающим шею, загривок и плечи, в гардеробно отделанном фраке без фалд, смокингом титулуемом и вполне с рубашки откинутом, во всяком плетеньи своем далеко выступающей за пределы длин ручек обстиранных грабель и плеч мраморноголовых шкафов, что расселись в оркестре, словно древле в амфитеатре. Таков водевиль: следите за освещеньем. Исполнительский состав: по обещаенью, с надеждой. Дамский ярус: оставьте внизу верхнюю одежду. Партер спереди и сзади: только стоячие места. Лица в нетрезвом виде немедленно удаляются.

В этих же литерях прочитываем и более низкий смысл, который скрадывается и скрывается за внешней благопристойностью. Острословы туманно намекали (уколы Мохората ощущаешь утром рановато) что он страдал дурной болезнью. Будь-ка им пусто! Единственный достойный ответ на подобные предположения состоит в утверждении о существовании недолжных заявлений, которым не следует верить и о которых нужно надеяться, что можно добавить: таких заявлений не следует допускать. Его клеветники, принадлежа к несовершенной теплокровной расе и по-видимому полагая, что он и есть тот самый жирный белый землемер, способный на любую и всевозможную гнусность из списка, составленного для очернения семейств Жук и Келликек, поддерживали свою

версию поочередными измышлениями, будто его одно время нелепейшим образом обвиняли в причинении беспокойства оруженосцам валлийской охраны в народном парке для гуляний. Ей, ей, ей! Хок, хок, хок — не могу! Фауна и Флор предаются любви на зеленом лугу. Для всякого, кто знал и любил могучего хриstopодобного ухверта Х.Ч. Ирикера с таким прозрачным сознанием в течение всего его сиятельства вайсфриегального бытия, самое предположение о нем как о похотуне, сующем нос в сельский капкан, звучит особенно абсурдно. Однако истина, бородой у пророка, вынуждает добавить, что говорилось и о таком феномене, как куондам (пфуй! пфуй!) в случае, подразумевающим, интердум полагая, некий куидам (если он не существовал, необходимо куониам его выдумать) оу том времени стамбульствуя вокрауга джамбульствуя в стоптанных тапках при темной записи и оставаясь антипично анонимным, но (поименовав его теперь хотя бы Абдаллах Гамеллаксаркский) отметим, что он был, как утверждают, объявлен у Меллона прецедентом для случая охраны порядка гражданским комитетом бдительности, и годы спустя, о чем ибид кричат еще громче, стал он покровителем испускающих трепет, то есть по-видимому таких, как поникший головою пресыщенный шульхан (пфиат! пфиат!) в ожидании ежемесячных возвратов к чопп пах каббаксам аликуби в старом доме для охранников в Роч Хеддоксе, за улицей Хавкинса. Что же это за воронье вранье, что за лживые лужи, полные оскверняющей истину до костей жидкостью! На гомер жратвы кузов колотух. Проще совравши, клевета не смела излить на нашего добрейшего, величайшего и необычайного Югона Эйрикера, ухверта гомогениального, как называет его благорасположенный сочинитель, более смрадного неприличия, нежели это — то, которое произвела на свет вохряная стража, не решившаяся, правда, застенчиво отрицать, что она — чин Тет, чин Тип, чинчин Типпит — успела уже употребить к вечеру свойскую дозу зернистой души и вела себя с обджентльменским иммодусом против пары прелестных служанок в круженьи пустых погодянок поганок, и — как жалобно обе они стенали во стенах суда сюда — дамская природа действовала со всей своей невинностью, самопроизвольно примерно в один и тот же час предъявив их обеих, однако обубликованные конбимации их показаний там, где они не сомнительно прозрачны, носят зримые различия, как между "мять" и "мать" в мялых потропностях, касающейся природы интимного — о первой попытке в зеленеющем поле, в рогатых кустах, которая была допустимо неосторожна, но в худшем случае и частично выставлена напоказ в таких разжиженных обстоятельствах (садик зелению заплылся, где сутяга свел герла) как аномальное лето Святого Свистуна, и (о Джесси Розашарон!) вот зрелая оказия, чтобы его сыграть.

* * *

И вокруг лужка шла в кружок строфа, и вот она, та совокупность строк, которую составил Хвосты. Как говорится. Бойли и Кахилли, Скерретты и Причарды, остихотворенные и распронизотворенные, мы из ложи вам эту жилую истолпию. Здесь строк последовательность. Одни зовут его Витей, другие зомут его Митей, иные лофут его Линя и Финя, а еще иные именуют Лаг Баг Дан Лоп, Лекс, Лакс, Ган или Гин. Есть кто аптирует его Артуром, есть кто млеет Варфоломлеем, а также Кодем, Нодем, Содем, Вилем, Гелем и Вильгельмом, но я его парлирую, как Персс-О`Рейли, а то у него не будет имени вовсе. Вместе. Арра, оставь это для Хвоста, для хвосто`вой трости, оставь для Хвосты, ибо он тот, кто творит строфу, дрофу, труху, царицу всех строх. Есть ли у нас? (Иные ха) Весть ли у вас? (Иные ох) Везет ли вам? (Как иным) Несет ли им? (Никаким) Оно несется, оно дымится! Клип, клоп! (Все кла) Кра, краш (Кликкаклаккакласкаклопатцклячабаттакреппикрот-тиграддагхсеммихсаммихнюитхапллюддиаппладдипконпкот!).

Смело. Музыка.

"Баллада о Перссе ОэРейлли"

Вы слышали про круглого толстого? —

Трясся он чище чем хвост его
В гоголь-моголь сбивая жильца своего
У основы Стекло́нной Стены,
(Хор) У подножья стены,
На исходе весны.

Был он некогда первый из главных
Ныне ж плюй среди пойл его травных
Пусть отправят его для управы
В тюрьму на Веселой Горе!
(Хор) В тюрьму на горе,
Где бы он и помре.

Он был па-па-отчим всего, что бы нас ни морочило:
Тихий транспорт с кондомами для серой сволочи,
Для нездоровых кумыс, да семь пятниц — все вниз,
Вольная любовь, реформа духа,
(Хор) Реформа духа
По форме псюха.

Что ж ему не пришлось и не вышло?
Я клянусь, о мой милый молочник,
Ты как буйный буйвол из Ке`ссиди:
Все масло в твоих рогах.
(Хор) Мазь на его рогах,
Смажь его по рогам!

(Повторять):
Ура тебе, Хвосты, Хвосты с тростью,
смени рубашонку
Гони строфу в труху!

Бормочи: Бульба чья!

Мы щипали щавель, щетку, щепку, щучий щебет и щенячье счастье
Все от поставщика по сопливой части
"Усех Проведу Находу" звали его в нашей части
Когда Шимпанз сел впервые у кассы
(Хор) Как в первом классе
Вниз, по Торговой Штрассе.

Хорошо ему было в роскошной гостинице
Но мы с огоньком разберемся со всеми его гостинцами
Скоро Кленси-шериф будет двигать долгую институцию
С судебной печатью на дверях под замком.
(Хор) Где дверь под замком,
Там вор нам знаком.

Злая удача вымыла к нашему острову
Военный шлюп убойного викинга
Будь проклят день, когда плес Еблень
Увидал его чернобурый челн
(Хор) Чернобурый челн,
Что вплыл во щель.

Откуда? — взревел Бериккуль. — Кукингаэпенс, — взвыл ему:

- Донне-муа скампита, вик ан випинэфампини
я есмь Фингал Мак Оскар Онесин Барджарс Бонифас
Токэс мин гаммельхоль норвегикерс моницер
Я плыву гаммельхоль как норвегский муде
(Хор) Верблюда муде
По тихой воде.

Подымай выше, Хвосты, дьявол!
тряси ввысь строку, строфу в труху!

Это было когда поливали сады свежей водицей
иль подглядел он
В обезьяньем отделе, в зверинце
(по "Ежедневной Неделе")
Но лихой Уховерт-Ирвикер и на деле
Вынудил девушку — о-о!
(Хор) Отдайте ей девство ее-о!
Кто ж взял его-о?

Стыдно сеновласому философу
Водить себя по ней подобным образом
Так-то славно венчает он перечень
Нашего допотопного зоо,
(Хор) Г-да Бра`ни и Коо.
Ноев копчег вечно ноо.

Он трясся у монументума Веллintonуса
Наш вертряповый гиппопотомунус
Там какой-то педрила застрял в задней дверце автобуса
Расстрелять бы его: ба-бах!
(Хор) Дать шесть лет ему, ах!
Дыра в штанах.

Бедных деток невинных его нам конечно жаль
Гляньте все ж на супрягу его подзаконную
Как ухватит фря Уховерта пря,
Так вся зелень кишит уховертками
(Хор) Громадными уховертками
Листами трав подпертыми.

Сафо`клоуз! Шикеспа`уер! Севдоданто! Ей, Анонимоис!

Мы услышим свободно-торговую песнь гэльской братии
На собрании масс для дерьмом обложения
смелого отпрыска Скандибандии
Мы свезем его хоронить на Бычье Кладбище
Закопаем вместе с подонками и датчанками
(Хор) Глухонемыми датчанками
И их останками

И ни вся королевская рать, ни вся конница
Не воскресят его корпуса
Ибо нет заклатья ни в аду, ни в Коннахте
(дважды) Чтобы ставить на ноги Каина.

* * *

Туп и топ и тупитопопят
Честный шел втроем солдат
Тройка томмиев фузейных
Из стрелков рефузильных
Ваша первая стребда
Дорогие в доску да

- из теплого теченья обстоятельств, из Голдстрима.

Стражники шатались по (пardonне-лер, же ву ан при, э?) по шоссе Монтгомери. Кто-то из них выказал убеждение в котором каждой из створон (pardonне!) противоречили всевозможные (жевуанпри, э?) По их словам, она была первая дама, которая остановилка его в ту роковую серду, Лилия Конингамз, предложив пройтись в поля.

Как поставлен, так и стоял бы, невзирая на возраст, а падал бы, так уж с пылом и с жаром! — откровенно заявил рядовой в отставке Пет Мочиссон.

Изыск! Так вот играют противники с соперниками!

Временная из нашего штата с вокзала, которая сейчас в отпуску (ее украсил выдающийся подстановщик мусора Ситонс) была проинтерфьюрована в прыгнахерской под западающим концом города. Выглядя наверно еще парикрасней в своих развишневых панчталюнах с ляжками и поясом от Поллунного и Семизвездного, в кирпичных рустикальных от Черномуровой Главы меж резвящихся юнцов в его Орле с Ребенком и возносясь превыше покупателей зерна и сена у Черного и Вовсе Черного, г-жа А... Ф... заметила в сторону, наполовину прошепча своему доверенному сосуду и поправляя при этом огромную как колесо телеги шляпку (агат! — теперь мы знаем, что это значит: нырять за наперстком в полное сала корыто): она надеется, что Сид Артар помучит рождественный протрут из оранлимонированных орхидий с холлегами и др. от Незовизимного фиатра, так что травожиться не у чем. И далее, хотя смрадно смравнивать с днятождественными подсолмухами, которые зеленожу боговкры для дожделиственных черевей, чарлатин и всех разновидностей климатита, но там было такое расноопрасие — добавила она со многими приветами Махе пранжапанси.

Сливки!

Знаток предыстории, энтихолог, изрек в диктофон: его пропеномен и есть его проперизмомен.

Помойный поповредник по прознанью Семцеркуей нанятый г-дами Эчберн, Сулпитр и Эшриберн, молитвословы, Глинталюк, пред коим проклятый вопрос был поставлен сестринским братством во время легкого завтрака из печенки или блеенки, как угодно, с холодным мясом и жидким трясом — толченым, печеным и в блейн облеченным, отвечал, благодарение Господу, импульсивно: Мы как раз пропагандерировали деело о признании его недействительности, а что они добыли из егохнего уха в собственном повороте? Со всеми ребятами он лишь цементный кирпич и только!

Не более обычного трезвый водител дрынзины, который беспечно созерцал поливание струей своего средства, Рыжей Зины, занял твердую позицию. Пока дрын поливал Зину, он изложил нашему перепиздателю нижеследующее: Ирикер был всего навсего обычный розоватый реформист в личной жизни, но со всеми правилами народу следует избрать его в парламент.

Владелец кафетерия (Луиджи, ты его знаешь. Блестящий организатор!) сказал: Мон фуа, отите хомлет, мадам? Орошо, майн хлебер! Но ваши яйца придется разбить самим.

Смотрите, как я!

А сам сидит. Умбедимбт!

Потная личность (старше шестидесяти) держась за теннисные кальсоны заявила, что она всё про всё зна, но слухи о бесчестии ползут сквозь стены и не звонят в звонки.

Вот так: после раздутого Браддона изволь слушать этого трезвого пустомелю.

Взгляд официантки железнодорожного буфета (ее звали Плакса Рю) был выражен следующим образом в отношении этих объектов жалостливой обслуги с выпивкой: мужчина и его сифон. Ихим! Поздно свистать, когда Филис уже затек к ней в стойло. Если позадить иго под замок, так выйдет багровый срам, как предлагал ихим этот задомит.

Какая разница что там вылетало у него из ревульвеера! При том, что ихим он хиротка и так хкверно болеет. Ихим!

Хорошо сказано, господин барабанщик!

Катя Тырил тобой гордится! — отвечал представитель Б.О. Т. (но весь отдел за это не отвечает!) а дочери Банкописькины проперчали в унитсон: Простибойжеговляшки!

Драяну Люнскому, диспетчеру на стоянке, задавали вопросы через его громкоговоритель (Баулонабраггат) и получили мгновенную реакцию: Пау! Опять я как дырявый стакан! Я ведь, дери вас, за пещерную охоту и сахарский секс! Эту пару сук лучше бы иметь на привязи, канем! Между ног держи клок! Пау! Будущий мученик хочет поучиться носить наручники, а когда его тут же и припекли, обнаружил несомненный фактот, что последствия длительны! Да, они длятся столько же, сколько когда Ссакья-Моня разыграет вдруг свои манговые фокусы среди сомнительных абсар, которые скрыты под листвою его лицензий, а зависалы всё трепыхаются от мощных болтов внетренья. Драки будут по всему Куксгафену!

Чушь!

Миссионер Уда Глубоколонная, семнадцатилетняя возрожденка, по поводу совпадения с грансолдатами и другими уважаемыми и отвергаемыми пирзонами, пользующимися парком, поведала нам: Эта перпендикулярная пеерсона — скот! Но — brutальный скот! "Калигула" (г-н Данл Маграт, лицо со скачек, хорошо известное всем европанским парильщикам из Сиднейского Парадного Баллотина) выступил как обычно антиподным методом: седень запёрт, завтра отпёрт, тряси мелким мелком.

Сапожник.

Мы встречаем таких по две в час, — пропел Эль Каплан Куписквот, — еще с папаниных папах встречаем их по паре в чах.

Дан Майклджон, оценщик от С.С. Смака и Оли был пробивербален со своим упсидуксит: мутатус мутандус.

Лорд Дуран ("Соплюес") и леди Моргай ("Обольстиха") встали в позу, скрестили орудия, склонились перед взаимными взглядами и снова скрестились. Их щенята на шлейках тоже вольно снюхивались, уна муна.

Вереда Бесшумная, девушка-детектив ("Меминерва", однако сейчас воркуют по всей Голубляндии) когда ей сообщили сведения об относящихся к событию фактутах в ее снующей холостяцкой камурке, откинулась в поистине действительно на самом деле легком кресле, спокойно рассуждая огласованным слогом: Пуиходило ли вам в голову, уепоутёу, что он пеужил стуашную, чужезвычайную туагедию? Однако сообуазно моему уациональному подходу к данному вопусу, ему пуедстоит подвеугнуться меуам по всей стуогости, о чем говоуится в пауагуафе туидцать втоуом, уаздел туинадцатый, УК, утвеужденном в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году, а все что говоуится пуотив в пуиведенном пауагуафе — пуиустановлено.

Джарли Джилка стал было джаловаться, что не моджет вернуться в Джелси, но кончил словами: за двух веселых оторв схлопотал курву, чтоб мне удавиться.

Простой матрос по фамилии Постный, восседая на гранитном кромлехе для рыболовов ради обычного провыветриванья после общепринятых народных дел и с ним Кегля и Пуйла, пикантна и округла (одной продуло в голове, другой в желудке выли ветры) пребывал на взводе, хоть и нирванствовал, управляемый которой-то из своих любимых — чувствую твое дыханье, Уолт, ощущаю как строй сестрой выпускаешь ты вздохи, Невил, — и звон рожка отвечал каждой на ее иной благодарные поцелуи: ставлю пару моих собственных кнопок, милочка Постный (он так говорит!) с двумя твоими бархотухами конечно его вина, какой-то пискун его уличает, йа скажу на крюк берет, но еще я думаю, Пуйлтиуолти, когда трусы сзади рвали, кто-то там был другой — пусть не рассказывают карамельных историй про трех барабанщиков.

Пошлость!

* * *

Словно лев в старом гартене слез вспоминает ненюфары родного Нила (может ли Арьюз забыть об Арьуне или богаз барегамов мармазеллей из марменира) когда

томномысленная нагина ин тванцыг уже оштемпелевала содержимое бривинбюста так что безигт бочарует его точно и толчливо из лилилит непорочной, которая сгубила его с годами и не ведала о неусыпных наставниках при его уэйке, да там они и будут. Фи, фи, камердевы! Зипзупи, ларкенюнги! Джизножи джизножи! А может быть нам нужно поспешить, чтобы отдекларировать сие — то, которое он перемерчал? передвидел? поля жары и урожай жратвы и жар златомаисовой Изит? стыд с сияньем. Возможно нам следбола бы взглянуть на бедную дверь добрых городских курантов, когда б не знали мы, что с их бездонного взгляда (не желая часто но доброе время потратив) меж его патриархального шаманства широким рядом надо градом (Туилби! Туилби!) он, зная о врагах, как король Билли белоконный в фингласовом предприятии, молился сидя на опасливом седалище (не подашь ли поначалу пару в святку сваренных яйц?) в течении трех с половиной часовой агонии молчанья, экс профундис малорум, порожденной искренним милосердием его чудеснословия (англез по зубам поименованный Наш из Гирахаш отправится в любом возрасте в мир рыдающий на его крапчатом брюхе (раб коленопреклоненный) ради млека, музыки и мужних миссисс) мощи и милости для провиденциального благожелательства ненавидящего благоразумное коварство развернутое в первую известную династию его потомков, черноликих мериносов не из паствы, но из старших детей его дома, его самых тревожных идей (пейс его двенадцати основанных попассий) которые были сооружением как в более благоприятных климах где Луг Медовый дружегостеприимен а Веселая Гора поя ура из истинно криминального слоя получает Хамовы разбойные грабежи тем самым в конце концов исключая все классы и массы непосредственно деривативно деказуализировав: сигариус (сик!) виндикат урбис террорум (сиккер!): и таким образом маркуя банку языком говорящего, служба граждан служит граду над градом стоящего.

Ну лады. Оставим теории там и вернемся к текущему тут. Самим нам не послать послушу. Теперь послушай. Все у прядки. Тиковый гроб с пугопанельным стеклом стекает с грядки к западу и имеет обернуться в сумке у самки в ямке материальным средством воздействуя на причину. И это лиефер говорит о том как. Любой ряд консервативных общественных органов через ряд избранных и иных комитетов имеет право расширить свой ряд перед голосованием в общем и по отдельности, будь то город, порт или гарнизон, приняв разумную и подходящую к случаю резолюцию следуя куртурному порядку грундвета один раз за всех из соразмерного следствия словно серерасход так что ты, матескипи, мог бы себе катинбегом ноувым амсанбрем удеяний выработанным когда его тело еще имело место, а ныне протем только в Моелте в лучшем виде близ Лох Нига в те времена столь же необходимое мизонезанам сколь в наши дни остров Мэн лимнифобам. Вахт евен! То было в весьма весеннем котлекегле когда финальные фении заняли его бардении обогащенные древнейшими древесными и дражайшими длубокими датскими дупчинами меж коих были старый Кром и Фиорельбек с ее ивняком впустую попусту и как бы вдвоем со вдовою при некоем Никите который ее дядевал бы словно Исаак на верхушку жезла изводя ее воды бессмысленной подводы сейчас и тогда в волненьи отдай (чтоб их глоток забил в молоток слегка сверх его сомнолулутентного вида). Ктодьявас прошлое продаст ради ярости Божьей ерстного керстного Хуна в постели его треблю Дунахуна. Лучш. Это должнобывавшие подземные небеса, кротовый рай, который был вероятно обращенным фаллофаром ради роста урожайности и подогрева торговли с туристами (ее архитектор Мгр. Переллачасс был обкаекен, чтобы не стать петрифальсированным такинека, меж тем вступившие в соглашение Ггда Т.А. Биркетт и Л.О. Туохоллс сделались неуязвимо язвительны) сперва на западе наш мистербильдер Каслвиллану откровенно проклятый и взорванный средством гидромины в сочетании с Соуаном и Белтингом детонированным новоизобретенным Т.Н. Т. бомбардировав сигналом с одиннадцать и тридцатью крылопевами (о около тому) на штирборт из его воздушной торпеты Автон Динамон, приведенной в контакт с внушающим большие надежды минным полем посредством жестянок с улучшенным аммонийным составом отхлестнутым к ее щитами бронированному планширу и сплавленным с трипаптросами скользкими сквозь купол и сходящими с конического конца в плавкие устройства наземной батареи которые все изменялись словно часы и ключи ибо никто уже не располагал тем же временем для

бритья, причем одни утверждали что по их хронометру шеивисят девятого, но следуя фогту Риану получалось будто бы без пяди пядь. После чего когда б ему ни случалось терять блеттера и его грубый лай становился совершенно сиплым, шиг за шигом он приближался (как человек осторожный) и бывал тщательно улагаем в железобетонный итог с красным кирпичом и известкой, окружаем рваным рвом и упокоен под гептадою башен: бошам, байуард, бык и лев и белая и ризница и кровавая, ободря (инстеппен альс алле шляпы беливд!) дополнительные полезные советы членов хуфд отлагательства, которые содержались в ледикантах те хур вроде Союз Размножающихся, Купеческая Гильдия Особых Прав и т., а. у. к., чтоб представить с похоронною помпой, а выше над — каменная плита с обычным флякословением от Мак Пеллаха, весьма красивыми словами изложенная подделка адамелегии: Мы выполнили наше гохелто с тобою Хер Хервыпит, овергивено скиду!

Сфиздать всех наворх! Предъявить гробы и саваны, катафалки погребальные, злые урны поминальные, звонкие доски, слезные вазы, хуйдендузы, табакерки, рикуютербекеры, рвотные капли, цуцаки для продовольствия и в их числе самооздоровительную колбасу и фокенпуцы с молотым мясом, а также жавель для того же, одним словом всевозможную похоронную гутварь ради гукрашения гего гласстонского гонофреума, которое со всей этой цепью условий неизбежно воспоследует за естественным телом, увы, обычным путем, позволяя пругосветной прущесии совершить такие обходы чтоб по-домашнему обойти сенильные деньки его жизненного цветенья, древнюю эру упадка, поздние поползновенья последней поры послушанья до стойкой стадии стабильного стойла (гипнос хилия эонион!) облетованного меж взрывом и противовзрывшим (Доннауруатер! Хундертхундер!) от гросскоппа до мегапода бальзамийского великановозросшего и облатворенного ожидаемой кончиной.

Но по велению Цайта пал и восстань. А оттуда черви мрака млемладомолниеносно схороненного скоро в Гееенне бездомного распространятся повсюду по Унтермирее — куча над кучей, шеол ом шеолом дабы вновь явиться в лице нашей Верхней Кору Сидири Утилитариозной, божественной, слепую толпой пропагируя плутополярный прогений подносов подставками покера и пугал от бинненланда до бухтенланда со шпорами вперед по шпурвею.

Иное весеннее наступление на высях Авраамовых могло бы произойти совершенно случайно, Фохтерундзер (ибо Бридабруд давно убедил брата быть похороненным семикратно, как убитый Киан в Финнатауне) не провел и трех монад в своей подводной могилке (что за скачки с вигилянтами и спиртовинные обеты под жареную ордаплю!) когда гнилованы, по обыкновению дрейфусованные, не зашагали ать два три, фарш ребята, Уденвинкель удаля сигнал и прямокатька произвела потоп. Почему патрикей лишил его грюнетей? Потому что друйвы мусковали в дверь. Из обоих Кельтиберийских лагерей (хриняв дря начара и хримера ради, что обитатели обоих краев — Новой Южной Ирландии и Древнего Улада, синеморды и бледнокохи, в волнениях по поводу "По Папы" иль "На Папе" имери крюк борее ири мерее верикие мысри хрюк) исходили все условия, бедные кони и ныры в норы, каждый разумеется на чисто доступательном уровне ибо уроки вечности были поздоямно на их стороне всякий раз как вдари объявлялась Беллоны Черная Бездна которую раньше называли Улуайтов Вальтц (Охибо, до чего препроступно, процелоклятно и принемоглушно!) иные желая правильного прокорма в юные годы, другие будучи уже уловлены на благородных актах скользких карьер семьи ради и по камерам в связи с этим пребывая; но будучи достат истощенной, удушенная персоне могла бы предложить любому, у кого бы она ни получала ветчин на тьмой подернутой равнине низкоцерковных подарков, даже того первого старого педара самолично и во плоти, поддрочайнейшего из воплощенных под ошипочными взорами какеготама на содержании повыше холма ибо там вращалось свободно и природно среди его противняков чувство, будто в зимующем описанном образе лице, названном Масса Еуака, который до этой своей полуобособленной жизни был известен бармицидными деньками, скрыта по словам повара меж зупом и пузом освобождаемая во всю длину форель, фланель и фортель, чего

никто из рожденных ни мужем ни женой не могли словно крестовый брѣб пожрав шестидесятикратнолетнюю дозу воблы за жизни день и множество мелюзги в минуту (о смесь великая, о имя дивное Гибетта!) чтоб оно служило как бы кормом тайно употребляемым путем сосания лососями из ловушки через его же смещенный жир.

Во те времена первого города названного именем уродливого Дундаблина дамы не избегали язычески проутюженных событий с которыми рядом родина обнаруживала редкостное родство с редькой, не облача ее словно ирики свои трупы в землянистые трубы, где надлежало бы ей тихо усопнуть с неясным наследством в охапке. Венеры были хихикотворно искусительны, вулканы громоголосно изрыгательны и вся женовидная вселенная тряслась непрерывательно. Да, любое человеческий пример на ваш выбор в полудень или позже могла вынуть из мешка своего голого божка или даже пару (лубог! полубог-у-у!) и приятно с ним помолиться (или с ними обоими) каждая по своему вкусу, укусу и укусу (типа). При том, что нет совсем как да, но откуда ж милочке знать где играют свадьбу! Амбар, берег моря, вагонет, где только нежно шепчут нет?.. Карета, кузница, тачка, ассенизационная водокачка?

Катя Крепо`к, вдова (тип-типа!), в те дни она творила для нас сельский пиззаж в дрериодромном спекотакле, прозрачный и видный — от прежнегохламоподобного дымообразного сырца из гранитного порфира с упаданиями при торгованиях, с благоуханными пуссиями, могдыханными суссиями, тухлыми пухлыми, воспаленными сопледействующими недопедѣ кудластыми, если не хуже — отправляя салмосемгиозную икру в ликующие сквозь кующие сковородки око`нец — вдова Крепо`к, а когда ее Хил Слабок ускользнул из-под каблука в клубок (тип-тип-тип!) обрела дела — она убирала весь почти что мусор за датский гульден доброго короля Хамлока, и хотя ее худооплачиваемая метла и мела, но мало и экономно и, согласно ее обнаженному утверждению, никаких там макадемических проходов для пробегов не бывало никогда по тем прежним усыпальным ночам, исключая дорожки многобосоногого Брайдана Причипутна, окаймленной листвою вероники, белой кашки и еще бук знает щаво со щавелем, который исчез будучи вытоптан там, где избивали истца, а она удалилась, как подобает мусорщицам, каковою мусорщицей она и была, а ее свалка — у извилистой тропы в Порниксовом Парке (в те времена именовавшемся по изобилию в трещинах травянистого мха Мохрень Матовый, но позднее перетабубабукрекре в Похрень Патовый) окружая поле де из чащи голове, где фейерве ох флахе нанялся с оре от дворцовых ут и ах то ту, кото оглу лу, вполне покрытое окаменелыми отпечатками ног, сапог, пальцев, локтей, казенных частей и т. п. последовательно заслужившими подробного описания. Насколь же нежнее тот времestный парадиз бузинного оскобления прикрыть ее лебхар от турсменных пылающих лап или хотя бы любовную записку, ею успев утраченную, по на Ма, чем если когда волнение уле, при уже где начались гонки: и четыре руки предусмотрительности уложат первое дитя согласия в последнюю колыбель благ влаг сладких влаг. Так скорее вдаль! И ни слова боле!.. Так поник пик ради дитяти... О люди!

* * *

Итак они так и шли, те четырехместные личности, бутылковатые анналитики, унгуам и нунгуам и опять-таки лунгуам и их аншлюсс с нею о ней о ее чье до и его за и как она утрачена была да-да в дали фернейской и как он был сокрыт во глубине в глубинах вниз и близ и шорох и щебет и скрежет и щелк и вздох и дребезг и лязг и ку-ку и по весне увлеку (тсс!) и бири-дря (псс!) и радидря и чистейшие кря, кои о те времена жили и прожевали и плавали и поливали около площади Колоколокольной. Все птицы в нѣбе. С Фатьмой! Для Фатьмы! О Фатьме! Твоя роза белеет фо тьме! И нос рос рогом с охоты в тафте. Так что все дорогие вводят в ритм. И противогреча по поводу ладушек с г-жей Ниал о Девяти Корсажах и старым маркисом, их бестерфаром, и уверенные в постоянном отсутствии маркуса и д., и т. д., меж муж и резвым сэром д`Армори — нетрезвым сером Драмори, и о старом домике близ церквиллизада и всё вперед так вперед до того как вернулись назад в старых гаммельдагах, четверо их, в мильтоновом парке перед милейшим Отцом

Шептунцом, и любя и смеясь от вздохов во словаре цветочных охов и ощущая открытие в тихом вопросе была ли она мушимуши, и не были ли то они обе, сосисёстры, драхри о махри! и (пип!) мы встретим воды не в себе (пипетта!) кружа в саду трикл трикл трикл трисс, мимочка, милая, можно мне в зеленом погулять, чуть-чуть пофлиртовать? мужчины ушли со слугою и как они ею и куда они её и кого они там прижимали и лисали. Я на все смотрю иначе! Ты сам-то понимаешь, что говоришь? Ты врун, прости пожалуйста! Я-то не, а ты вовсе! И Люля хочет между ними мира. Медная милая Мюля! Братъ и даватъ! Братья даватья! Забыватья! И все забыто! Хо хо! Но было то лишь плохо, чтоб жить с ее продрессированного оха, со вздохом да и во образе ООООООООуранговых времён. Ладно, Лёля, так оно и будет. Рукопомятье. Многодаватье. Крыс-то ради. Крысота. Так?

Так даже если рассмотрение подобных пигментов в очевидном порядке не вынесет истинной истины на свет столь же случайно, сколь тусклое взирание на звёздную карту может (с помощью свыше) обнажить наготу неизвестного тела в лазоревых пространствах или столь же предуведомительно сколь полуязыки человечества листаптывались из корня все того же улыбочивого заики, которого звучная речь обнаружилась поперечь чему наши особые умствователи придерживаются и по се (секурус юдикат орбис террарум) что подобною игрою в поссум наш хагиозный и куриозный предшествователь спас свой хвост для потомства, а вы, очаровательные наследники — для нас, его охвостья. Охочие псы всех пород катились со звучными урбийными и орбийными воплями рога в стремленьи догнать по запаху. Лань! Из рощи простертой вдоль просяных плодородных полей Джулетайда, сквозь Хамфри Чейз, от Меллинахоба и Пикокстауна, забирая вправо над Танкардстауном в отдаленьи, где белый Нолан, кабан, которого выжлятники такс г-на Лёвенстайла Фиц Урса травили сперва словно бурого хозяина, так пусть длится гон и травля! — через Рейстаун и Хорлокстаун, петляя петлею к Танкардстауну снова. Ух хитрый зайчуха — удвоил след сквозь Чиверстаун, а те за ним по Лафлинстауну и Натстауну чтоб учухать у Булли. Но после последнего оборота, когда он оставлял след пухлой зимней опушкой за Руфьиным Холмом печатающими лапами в высокоцарственных хессианских выдавая где его жилой дом с нордоста, глухой лисий вольпонизм скрыл его поблизости в логове, чудесным образом воронами питая и поддержка дыхание рубца, сетки, книжки и сычуга (да станет оно медом Обрюхамовым) сливочной шеррийностью корицына силлабаба, у Рейнеке вареники, псе псы пшли по домам. Стоячая стойкость в переистойковании трактата его желудочного тракта огорошенно служила опровержением которой ему приходилось с дохода ото букowego букета алалкавшей, ограничиваясь лишь против вздорных взяток из огороженного пограничного городища. Тщетно ханжа, хандра и хула старались чуть ли не полностью обезналожить, обездорожить, обестропить и обезмостить корабельного великого могола, исподнего суверена.

Но труп колеблющегося не хуже труб поколеблющих. Его зло — не зола ли она, хихихреновая трясоглоглемогольская фэй-ей-ей фланель на панель.

Собрание забормотало. Ренар устал.

За его дни опасались. А зевота была? Это желуточное. Рвота? Ливерное. Пот? Фантазия. Колотье? Спопаси его, Всетолкущий! Он наложил на себя замерзшие руки, о чем сообщали в Письмах Фуггера, как есть наложил, вместе с меланхоличной погибелью. При сатурнальном тридууме его слуга со стимулом выступал в зацвиллингованных на Форуме, меж тем как жена возникала прелестною умницей и приветствовали ее пронзительно (при участии сыскной полиции) с падубом и ивою, а также не без ометл ометловых ото многих мужей и воя вайб. Сперва большой толчок, потом глухой молчок: соопшена: тишина: последняя Фама уносит труху в эфир. Рыг и рык, звучный зык, дозор с позором и разным вздором. Искры выются. Он вновь бежал (открой, шаншма!) из той страны изгнания, сменил шкуру, пробрался прочь виа подземный ход укрепленный спинками (кроватей), сбился от и бросил якоря в голландской нижней части, джопою именуемой, порт приписки С.С. Финляндия, занимая даже и по сию пору под мусульмански новым именем в седьмом колене физическое тело Корнелия Маграта (древнезлбнокарактер, затычка общеночного горшка) в Малой Азии, в качестве театрального Турка (в первом классе у глупого Васи — где король и одиннадцать мошенников) он там пиастровал бюикданс с омниавтобусной роскошью, а как Араб от уличных дверей — пестрел с начальниками тысяч, чтоб может

дадут пару пенсов. Меж тем воры взвоняли. Всеобщее остолбенение в сопровождении сожаления мирно положило предел его существованию: он повидал фамильного саггарта, смирился, собрал свои останки, был отозван Создателем и выкинут на помойку. Чирикание перечеркнуто. Дурная болезнь частной природы (вульговариовенеральная) прекратилась, она замкнула круг порока и всё тут. Джин дребезжит (Джемс Джас). Он брел к середине орнаментального лилейного прудика и набрался до точки где рубашки завязки встречаются с помочами бридж, словно царская рыба в веселой воде, когда первовспомогательные руки рыбака избавят ее от возможно весьма сурового ощущения водицы несвижей. Зондек раскрылся. На Амбеловой улице, где он выпивал бывало прямо из-под помп, добрый работяга Уитлок предложил ему дернуть дерева. Какими сильными словами они при этом обменялись, какие произносили экенамены и аухноумены, агномины и икнумены? О том, О о том сообщил нам официальный Ханзард, как гар ганц Дубов ухвер в каждом кабаке! Бетти берет батон, а Соган слушает сплетни, но Чилка хочет карандашей точилку, меж тем как Выпь и Утконос намерены выпить и уткнуться в насос. И Кассиди — Креддоков Рим и Рем кругом вига и вага все еще иммер и иммор аважируют над, а там люлька и лялька, а сзади ларчик и ключик. Тотис тестис квотис квестис. Соловьи поют словесами, а древо — сама древность. Ты всклёни на меня, авокадо как вы, чтоб ива стала иво, а сам(ш)ит — ими самими. Какему ччиррикает птичка! От златосумеречной славы до света слабого луны. Не будь мы мол чуны, когда не были б болт у ны. И нигде более там не было забот о выпивке. Слышалось одно только ожидание дождя. Эсту пурпортераль! Шкворк шкварок. Чума вращается (в чуме) по скользким улицам (зачем?) чем глаже тем в луже, и вот он вновь тут, более мерзкий нежели даже морзянка. Он был в бегах и (о бэби!) мог пребывать просто где угодно, когда переодетая в бывшую монахиню крупного росточка и с мужскими манерами в своих сочных сорока Карпулента Гигаства привлекла понимание присутствующих произвольным поведением с паутобусом. Аэриании будили прибрежных слушателей, сообщая о переобложении бюджета брата-сборщика в юбке, спорране, завязках, туфте, табарде и сучьем противопростудном пледе, которого портного (Бернфазера) табличка с буквами В.П. Х. была у самой Скальдратьей Дыры, и искатели карманного жемчуга всё прикидывали: что за зверь — бабник из нужника или какой монах разбил ее с трехгрошовым треском. Ш. М. широко мечет. Хвидфиннс лик дрохнет свертглим, заключила Валькирия. На его крысыных открытках (они у ребят были) на Уайтуикенд прилепилось выполненное чернилами имя и должность, вписанная национальным курсивом, ускоренным, сокращенным, филиформным, башневидным и ядомолопным в своем нестерпийстве: Вали-ка Вампти! Дай место Мампти! Приказал Никекелус Плуг; так пусть и идет, чтоб никаких тут пятидесятничьих телодвижений не было, какова бы ни была оборотливость его рода или искусное ученое мудрое коварство или ясная всеведущая способность к глубокому высказыванию, чортичудочреватая и прудентноопровергающая, будь он вождь, граф, генерал, фельдмаршал, князь, король или Ухарь-Майлс собственной персоной, владей он тысячеоднонощным жилищем в Бреффнианской Империи с местом посвящения на Тюллимонганском холме, где происходило убийство райхеллах-ройгал-ракса краксианской разновидности к мак-магоновой челюсти оно-то и привело его. На поле на Вердорском оборонявшиеся соратники оставили ему льва с восставшею правою лапой в пюредипоме природного цвета крови. Действительно не мало толстых и тощих доброжелателей преимущественно клонтарфно ориентированного класса (полковник Джон Баул О`Рорке, ферукзамплюс) зашли так далеко, что даже пытались одолжить или выпросить экземпляры трехязычного трехнедельника "Рассевмозг` Афтенинг Пошт", издатель Д. Блейнси, чтобы как-то обрести непреложную уверенность и удовлетворение своими квазиконрибусодалита-рианами ставшими теперь поистине вполне убито погибшими то ли на суше то ли на море. Трансошн аталакморил ему: Заплаты! Заплаты! Будет ли безмолвствовать надежда или Макфарлену нехватит ламентаций? Он лежал на дне, в глубине Бартоломановой впадины. Ахдунг! Позор! Аттеншун! Викерой Бесайтс Смакки Юнг Свиноумен! Три Пайсдинернес Ивентир Мед Лохланнер Фатач И Феннисгехафен. Банналанна Бангс Баллихули Из Ее Буддаре Буллавогского.

Но, чему не противятся их блестящие малые современники, завтра наутро после суицидного истребления неспасаемого изгнанника, словно змея, когда она сползает вниз по стволу дуба до бобрехина брюха (может вы видели как текут ликвидамбровые выделения заморской капусты на Партин-а-лососе, Лаймстон. Дрог и крик Абиес Магника! разве мех так, о высокородный сыр?) в четверть девятого моля о его покаянии, мы созерцаем непогрешимую струйку дыма какраз пунктуально из седьмого фронта нашего Квинта Сентимаха порфиридной маслобашни, а затем в двенадцать пополудни с божбой о его долголетию (Эн кекас харуспикес! Аннос лонгос патимур!) на светильни для усопших, биконсфарафилд иннерхалф зуггурат, вздымается всем бреветоименованным грозящий громopodobный выверн, дракон с желтой гривой, свинглоколышащий синелапой — выдающееся лицо, лёля-леди литр льющая (лейся, лейка) с фодтеком на фингласовой фрамуге и светосвинцовыми стеклами.

Скаковой целью это едва ли было обдуманно и сказано или и помышляемо о пленнике той сакральной постройки, в которой он и Айвор Бескостный или Олаф Беглец пребывал в лучшем случае одночленной параболой, грубым придыханием в видах бытия, вентером внемлющим собственному баухбормотанию в задних словах чрева, но, говоря строже, то были его тристоповёрнутые инициалы, клюки к миромерам за мермиром (редко) или для патетически немногих из его додоканала замменживущих, серьезно озабоченных однако долгое время сомневавшихся с Куртом Юлдом ван Диком (сила гравитации воспринимаемая известными неподвижными обитателями и захват неких комет протанцовывающих иногда сквозь нашу систему, полагая аутенцитаты его аликвитудины) в каноничности его существования как правильного четырехмерного куба. Скорый, сиди тихо! Пусть молчит! Ветви вяза, ш-ш!

Многие дамы задавались вопросом. Насколько стремительна она?

Скажи нам все о том. О том чтоб слышать то всезнам. Атом скажи всемноготом. Зачем и почем выглядела она как леди, алотти вроде усси и было ли его окно как их нее разверсто на замок? Заметки и вопросы, отметки и ответы, смех и крих и внерх и вниз. Так что слышь слышь и лист их лисс и извлеки роз лепестки. Кончилась война. Уимуим уимуим! Была ли то Юнити Мур или Эстелла Свифт или Варина Фей или Кварта Кведама? Тоумаас, поставь марку оом за дядюшку! Пигеи, холд оп мед ваши ногеи. Кто, но кто же (второй раз спрашиваю) был тогда бичом для постыдных частей народного Лукализада, о чем не стоит спрашивать, как через столетия по возникновении Хомо Капите Эректус что за цена у Пибодиевой монеты, или, излагая прямо, откуда взялся херрингтонов белый галстук, или, как в более кайнозойские эпохи — кто побил Бакли хотя в наши дни как и прежде любая стосорокамесячная или постарше кобылка знающая про свою интимологию и каждая девица громко вопящая "дорогой мой!" и всякая алой фламелю на стенах Дублина развевающая бойбаба-мироносица от века знает, как что яя это яя, что Бакли сам побил (и никакой примокашки нам тут не надо) и русский генерал, да! да! а не Бакли был им подло измордован само собою. Что за полножаренная павлоотрава о шпионе из трех замков, что за ненавистью движимый улыбопродавец? И вот такую ядовитую отраву, афраншизанированную королевьей головой с тихой липкой печатью можно, значит, отправлять заказным с уведомлением или оплаченным ответом! У лонжлизаров из вод минерального зала весело прошли девять дней, у прачек с их заплачками то же самое и кроме того общепольска шпаспас шписсмас, жанижоны, когда еще следуя совиной стекляшке со сверканием стелл о верхних истоках ее безротого лица, ее непостоянные волны пребывали лучшей половиной, и одна к нему была ближе, более дорогая чем все другие, первое согревающее создание раннего утра, хозяйка домохозяина, муррмурр маккавое, она которая отдала его око за свое ложе и зуб за дитяню, один за один и один за десяток, и еще один за все за сто, О я и О ты! кадет и прим, гхолодный гхрим (а если сейчас она постарше собственных зубов, то прическа ее моложавей твоей, дорогая!) она которая укрыла его за ставнями по паденьи, которая будила его без сожаленья, которая потом так каилась когда поавлялась, адаже циллуя ему носев кончег, она, кто не одохнет в бегах за ним следом пока с океанической помощью на какое-то время пропрятав крохи его величавых изгибов в неялитых исканиях Жемчужедального моря (ур, ури, урья!) не выступает вперед бурнбурля со старой горгоною мирсударной, во имя гогора, ради гагары, влача за собой сельскую окрестность, финики тит, фунику тут, с барушьим кадровым

выговором, и ее дуршлачное журчанье и ее безрукавое недлинное боа и все дважды двадцать два с небольшим курлилокона ее головного убора, сочень ей под очи и сушки ей за веснушки и циркопятье верхом на ее петушьем носу парижанки, с бахвальной походкой и Экверри Эгоновой теткой, когда Тинктинк в церкви бил клинк по случаю Степложимова Воскресенья, Сола, с пешками, прелатами и пууками пылко пелотировавшими по ее подсумку во имя Хандимана Чавка, эскворо бискбаскского, чтоб раздавить клеветнику обе челюсти.

Малое в мыле мя, о нем моли меня! Нотрдам де ла Вилль, благодарствуем твоему балмхерцихиту! Огородник с липовым чаем, слово аптекаря. Хлеб его нехлебаем. Пусть он отдыхает, о странник, и не бери с него замогильных трат! И не порти его подземного помещенья! На нем заклятье Тута. Но нас поджидает леди и зовут ее А.Л. П. И ты будешь согласен. Она значит она. В силу ее свисающих сзатылка завитков. Сквасил силушку свою да на скамьях гаремных. Поппи На- ранси, Жалия, Хлора, Маринка, Анилин, Парма. И ильк те дамы обладали ее радужными хамурами, но были только для вилько ее вымыслы, однако он создал средство. Тяф-тяф сего- кис-кис заутрадня как та столетняя сосня. Так кто же кроме детьми обремененных беременных будет судить по поводу пота лица?

Кудри не кудри ку-ку не умри
Пудри не пудри му-му не мудри
Дровни для дров ли? — Дурак дураком
Кто же там с прибылью? Он?
Ом!

Лилась под мост а там прилив
Аттабом, аттабом, аттабомбомбум!
Лились и Фин и Ебба в пролив
Аттабом, аттабом, аттабомбомбум!
Нос в кабаке да ночь в бардаке
Вот что она нам дала!
Ола-ла!

Номад может бродить с Набухом, но пусть Нааман хохочет у Иордана. Ибо да, ибо наш парус несется выше камней ее, там на ее деревьях мы развесили наши кейфары и поем как рыдает она на бобах бабалонгских.

* * *

Во имя Аннахи Всемухущей Вечно-Ливейной Плюра-Бей-Поддающей да просклабится
вымя Ея песением песен и урчаньем ручьев необычным!
Ее безымянный мамафест упрочающий память о Высочайшей выходил под
всевозможными заголовками в разные периоды разложения. Так приходится слышать:
Аугуста! Ау, Густейшая!
Старейшая Себестия Спасисильнейшая!
Олуша Кро Кабы в Волнах Квашня
Останки Тонут без Остатка
Анна Встасия Она Встает и Падает
Сэр Алансон Спусти Кальсон и Панталоны Сэр Канон
Золотые Мои и Серебряные Деньки Женитьб
Влюбленный Тристрам и Прохладная Сисульда
Дубли Бубли
Ик Дик Дупидуп ет Ту Михимум
Купи Вывеску-с во Весь Кус
Что Твои Теперь Вчера что Зовешь Их Завтра?
Хобеган Ебреер Побил Уотермана Мозговитого
Потолок Аркой Вшам с Полу Каркай
Зимние Загадки

Жалобы Бретонессы
Поллитра Петя Петел Пил Пела Птичка Пташка
Апология Великого
(некоторые грамматические безымянные вроде: Супряг, Супрыг, Запруг возможно
остаются полупонятными, ведь есть у нас плутоплетни, похожие на:
Похездка в Портергуллиу Моего Воструга Искрякшего да не будет у него ни минуты
свободного времени)
Стоит ли Его Навещать?
Ищи Ковчег в Зоосаду
Работа Иглоу Клеопатры Исопрашайшая Алдборохама на Сахаре с Расчесыванием
Велеблудищ Египетскими Пиракмышершами
Петушок в Горшке для Папашки
Плакеат Вестре
Новое Средство от Старого Трепака
Каб не Картошка от Гуся Была б и Сказка Вся
Не Верь Ему Милая Девушка
Венецианский Куп Ставит Блоху на Руп
Так Высоко Он Меня Оценил что Даже Супругу на Крохах Женил
Оремунд Квев Навещает Амена Марта
Хоть Я и Бабуся Славно Поебуся
Двадцать Комнат на Дважды Сорок Коек и т. п. д.
Я Свое Пожил
Восстание Бокса и Кокса на Златых Ступенях
Виляющая Вилка
Он Мой О`Жирусалем а Я Его По
Первейшая Стерва
Он Имел Свою Мать в Пригородном Поезде
В Струях Земзема на Холме с Зигзагом
Попробуй Нашего Тааля на Таубе
Логарифм Энн по Основанию Элл
Мотыль Порхал меж Рыженьких Волнушек
Пржсс Орел Орел Король Орлбрджсса
Интимный Минилепет Внешнего Монолопта
Его Здоровье
Мой Жако над Твоим Реет Парусом
Поверьте Я Была Его Любовницей
Он Может Дать Объяснения
От Виктролии Нуанси до Олбарта Ноахнси
Ромашка Ромашка Дай Мне Рюмашку
Что Выдельвала Варвара перед Варварами
Хаскви Адморталь
Что Дал Джамбо Джалисе и как Анисетта Дала Ему
Вины Офелии
Грязный Гиблый Гублин
Данный Дан
Я Старше Скал на Коих Восседаю а Он Зовет Меня Супряжским Двойником
Практика Чревовещания Дает Телу Радость
Лаппов на Финнов в Вейк Финнопятов
Как Баклин Стрелял Рус с Кого Гения в Рыло
Длян на Даму
От Восстания Дач Пупаблики до Падения Потстилии
Два Способа Разевания Рта
Я не Менял Теченья Вод и Знаю Двадцать Девять Знатных Имен
Тортор с Тори-острова Тоит Калассию как Корову Молочную
От Аббигейта до Кровалли через Дырочку в Завале
Шрейфы для Их Ширятельств от Штарой Шрюхи

Где Взять Горошенького Гора когда Усир Уже в Утклю
Дом в Вахерло
Рок по Моим Пожеланьям
Трижды Шагая в Перед
Дважды Вставая на Зад
Кожа Моя Взывает к Трем Ощущаньям а Изгибы Губ к Голубым Касаньям
Гадова Улица на Писецкие Сбереженья
Тут Юнцы Составили Трио Судомоев а Девицы Дуэт Дорогуш
Кровать Богача Согласно Той что Прошла Насквозь
Все Кончено Мама
Ковбирайт на Двенадцать Акров Амессиканской Подпоквы
Он Дал Мне Ссу а Я Нессу Ему Ссоку
И Толстые Торсы и в Дикой Долине
Бараны Белые Барашки
Его Отклик на Мой Окрик
Игла в Его Саду
Ты не Останешься без Мама
Держим Жучку за Лайку
Морской Норский Нырский Треску с Треском Трескай
Он Обжимал Меня Раз в Месяц со Страстью Силою Тонн в Десяц
Дитя Рыдайло Молотылка Снопы Вязайло
О`Смихихи
Из Самого Нижнего Нутра Жеваю Вам Доброго Утра
Ингло-Андейские Лемодии Манито Мухра
Великий Полнолулезийский Фокусник Изображает Соискуна в Соединении с Естеством
Мимика Мика Ника и Маккея
Глупость Зигфилда или Жантильомовы Фо Па
Смотри Первую Книгу Убытия в Худшем Смысле
Отмена Объявления
Кирпич Историй с Героями Малого Возраста
Сон на Волнах
Я Знаю Оно во Мне и Это Решает То
Громотан Капитан Сметан и Прекрасная Спасительница Покаонтеза
Путь к Порожнему Периоду Исполиновой Душки Марианны
Последний из Фингальян
Это Я Его Обтирал Бурсы Ради и Представил Свою Усабоченную Харию Его
Обыкновенным Подсумкам
Чи Чи Чилы и Их Чайническая Миксия
Паписьки Петерского Пуба
Лямптитаптапти с Печки Упал
Пимпимп Пимпимп
Паскудные Приключения Пары Проблядей и Падедение Плодада
Фуфырь Фамилии Фокс
Не Будь Мой Корсет Так Маловат Обеи бы Втиснула где и Так Мало Ват
Алелеша Попопович и Ястребьяче Окуло
Глянь в Аплъ и Умни Молю во Имя Любви и Матери
Финова Фина не в Фиглярст Феона
Уходит Делвин Выходит Лифея
Та Вспышка Вугинога Взора на Мне Все Волосы Сожгла
Вот Дом из Солода Солдеян
По-Божески Сзаду и Наперед
Аб с Сарой Держали Ицика за Нейтрэн пока Брахм Втолковывал Ему Здравый Секс
Огрызок Ввечеру Понес Чепуху
Олфор Гинис
Звуки и Дополнения Либидозного Свойства
Восемь Вдов Встают во Вторник

Эйри Энн и Бербер Блюют
Эми Сосет Портер а Хаффи Предпочел бы Пожрать
Пучок Зонтичных или Три Трости
Бутбуттербюст
От Дам до Тех Кто с Ними Сам
Манифестиллы Зеленого Колледжа
Прекрасный Защитник и Славный Полусредний
Тот Камень Сыр Воды Речам как если Мыться по Ночам
Первый и Последний Единственно Верный Отчет о Честном Мирзе Уховерте-Ирикере (в
Рублях и Копейках) и Змее (Карликовой!) Составленный Светской Женщиной которая
может Сообщить Одну Только Чистую Правду о Дорогом Человеке и обо всех окружавших
его Заговорщиках как все они Пытались его Свалить где события вокруг Лукализода с
Ирикеровыми Личными Органами и Парой Скверных Сук ясно Указывают на полную
Невыразимость ложных Обвинений касательно Дождевика.

* * *

Шем сокращемо из Шемеш как Джек отджато от Джейкоб. Можно отыскать несколько жестковыйных которые все еще делают вид что он — Шем или Сим — вырисовывался из благородных линий (он якобы был плод связи домов Рагонара Синей Бороды и Хоррильды Прекрасноволосой, а незаконнорожденный отпрыск Капитана Достопочтенного и Чтимого Господина Птахборо де Троп Жлоб происходил из его отдаленной родни) но любое преданное правилам честности лицо в просторах времени сегодняшнего дня знает, что минувшая жизнь Сима не поддается описанию в черных и белых красках. Соединяя правду и полуправду с неправдой можно попробовать установить куда эта помеся стремилась на самом деле.

Шемово телесное строенье включало такие предметы как
черепное тесло,
вздор дурного глаза,
полный нос,
одну онемевшую руку выше рукава,
сорок две волосины венчиком и восемнадцать над губою,
сосулек трио с бороды свисающей словно у сомовича,
плечо неправое выше правого,
оба уха,
искусственный язык с природным завитком,
ступня такая что ступить некуда,
горсть пальцев,
слепая кишка,
глухое сердце,
немая печень,
две пятых от двух полузадниц,
мерка слизи для личного употребления,
корень всяческого зла словно отнерестившаяся горбуша буйный,
кровь угря в холодных указательных,
пузырь вздутый до таких размеров, что юный Мастер Шемми едва явившись на рассвете предыстории видя себя в подобном виде при играх в колкие слова в детском садике "Грифотрофо" на Фиговой Аллее !!!, Шувлин, Старая Голяндия (вернемся ли мы туда ради звуков — осмысленных или просто болтовни? ради бряцанья новейших анн? за пригоршню лир и лиретту со звоном? за двенадцать алтын и семишник? за полушку с осьмушкой? — ни даже ради динара! и нет и нет и нет!) уже диктировал всем своим малым братьям и сосистрам главную загадку вселенной: Сим спрашивал когда муж не муж?: и давал совет: не спешите детишки, ждите когда подъем воды встанет (ведь день его начинался с полуночи) выставив как приз остросладкий плод, малый дар прошлых лет ибо их медный век еще не пошел в чекан, победителю.
Один отвечал — когда небеса дрожат как трясуны,

другой отвечал — когда богемляне квакают как квакеры,
третий отвечал, нет, обожди минуточку — когда он решится и станет гнустик,
еще один отвечал — когда ангел смерти опрокидывает жизни стопку,
а еще один отвечал — когда во вне вино но не пиво пье,
а еще один — когда смазливая кошить его укокошить,
а один из самых маленьких отвечал мне, мне, Симу — когда папа пепу парит,
а один из самых смысленных отвечал — когда он ет е яблокукен и змей зебя зо жуken,
еще один отвечал — ты будешь стар я буду сед пойдем соснем с тобой сосед,
а еще другой — когда труп ногами затопают,
а другой — когда его только что спереди обтяпают,
а другой — да когда манана у него нет,
а еще — когда те свиньи что учатся порхать летать научатся.

Все было неверно, Сим взял словно доктатор себе пирог, а правильное решенье — все сдаются? — ; когда муж — пусть скалы треснут и трясутся — Сам того пожелает.

Сим Сам того хотел, этот Шем, и был он, стало быть, сущая липа.

Шем был липой, низменною липой, и эта низменность выползала вовне прежде всего виа продукты питания. Столь низмен он был, что предпочитал консервированного лосося Гибсена за дешевизну его и вкусовые качества к утреннему чаю прелестной икристой семге или ее игривой молодежи или зрелому рулету из копченой ее же когда бы то ни было изловленной на стальной крючок меж Скоклаксом и Мостоодоостровом, и много раз повторял он в своем ботулизме что ни один в джунглях произросший ананас не пройдет с таким смаком как крошево из ананьясовых банок Файндлендер и Гладстон, Угловой Дом, Ингленд. Ни один голубокровавый бифштекс балаклавы поджаренный на огне за веру и толщиной в палец или ножка под желатиновым желе парного барана или хрюкающий хрящик с хреном или честная часть сочного печеночного паштета с горсткой сливовой каши плывущей по блатам дубомогильным не добирались они до этого грешедушного юдоши. Ростбиф из Старой Зеландии! Он не желал к нему прикасаться. Смотри же что бывает, когда жидкий соматофаг проникается ответным чувством привязанности к дравоядному лебедю? Он просто рвется прочь как прочервач говоря, что скорее развяжется с чечевичною мешаниной в Ервопе нежели станет мешаться с мешками Ерландского горошка.

Как-то раз находясь меж наших дурней в безнадежно беспомощном опьяненьи сей рыбаод попробовал поднести к ноздрям мандрынову корку но икота вызванная вероятно первычкой к глоттальной паузе привела к тому что он с тех пор постопоянно цвел благоухая как цедра кедра как цитра у источника сидра на высях лимонных на горах ливанских. О! Эта низость превосходила все пределы возможного углубления! Ни любимая огненная вода ни первейший первач ни палящий глотку джин ни даже честное квасное пиво ее не одолевали. О милый нет! Но наш трагический гаер только сопел причмокивая над рубероидорубинным оранжевожелто-зеленым дрожашесиним виндигодийодирующим яблочным пойлом из прокислых плодов и слыша его твикст по осадочному скольжению чаши когда он гульфировавал в глотку ммннножество тыков его сссодержимого отбляю до уровня тех низменных подонков кто всем ровня от зимних до потонков зная заране что им довольно возмущено недогостепреемственностью той несчастной, когда к ужасу своему обнаруживали что не могут принять уж боле ни капли хо ни вапли хохо ни дапдапли хохохо не из-под лап ли освященной особы ерцгерцегини или той же графини, он графин она графиня, законная маркиза а когда у ней вино фехербур то в ней оно а та ерцгерцегиния тетушка Уриния.

Попахивает да ведь? Пьянь какая-то. Толкуй о низости.

* * *

Приложение:

финнегановы поминки Ирландская народная песня

Тим Финнеган жил на самом углу

Справа налево немного вбок
В левой руке он имел кочергу
А в правой руке он держал скребок

Он был простой печник-штукатур
Любил он выпить не хуже всех
Любили его за ту простоту
А выпить так выпить ей-Богу не грех

Пляши на поминках на трех половинках
Тряси половицы, мети весь пол
Махай скамейкой, прихлопни крышкой
Под стулом прыгай, вали под стол!

Раз поутру Тим набрался до дна
Он тряс головой под вздохи и хрип
Он с печки упал в середине дня
А к вечеру шею сломал и погиб

В открытый гроб уложили его
На семейной кровати вдоль на бобах
Поллитра водки в ногах у него
Две кружки пива стоят в головах

Пляши на поминках на трех половинках
Тряси половицы, мети весь пол
Махай скамейкой, прихлопни крышкой
Под стулом прыгай, вали под стол!

Его помянуть собрались друзья
Вдова молодая на завтрак зовет:
Сперва чайку, ведь без чая нельзя
А там, глядишь, закурить несет

А там и выпить. Тут Нюра орать:
Красавчик мой, куда ты, куда?!
А Клавка ей: Довольно врать!
Не куда да куда, а туда да туда!

Пляши на поминках на трех половинках
Тряси половицы, мети весь пол
Махай скамейкой, прихлопни крышкой
Под стулом прыгай, вали под стол!

Тут Нюра другая давай вопить:
Ах, Нюра, увы неправы вы!
Но Нюра сумела ей в глотку вбить
И не глотнуть уж той, увы...

Большая драка, большая семья,
Сестры и братья, мужик с мужиком
Дерутся, трясутся как гусь и свинья,
С перчаткой когти, туфля с сапогом.

Пляши на поминках на трех половинках
Тряси половицы, мети весь пол

Махай скамейкой, прихлопни крышкой
Под стулом прыгай, вали под стол!

А Микки Клавкин один сидит
Душа его милая скорбью полна
Бутылка водки в него летит
И льется на мертвое тело она

Тим воскресает и водкой облит,
Смотрите, из гроба с кровати встает
Встает Финнеган да как завопит:
Меня, вашу так, и смерть не берет!

Пляши на поминках на трех половинках
Тряси половицы, мети весь пол
Махай скамейкой, прихлопни крышкой
Под стулом прыгай, вали под стол!